

ЛЮБИМАЯ ПРЕЗИДЕНТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Президент

Ульяна Соболева
Любимая Президента

«Ульяна Соболева»

2021

Соболева У.

Любимая Президента / У. Соболева — «Ульяна Соболева»,
2021 — (Президент)

Я начала жить сначала, я старалась изо всех сил забыть Его, я даже убедила себя в том, что и он больше никогда обо мне не вспомнит. Но такие, как ОН, никогда и ничего не забывают...ХЭ. Герой с огромной властью. Очень жестокий герой. Альтернативная Россия.В КНИГЕ МНОГО СТРАДАНИЙ!

Ульяна Соболева

Любимая Президента

Глава 1

Людское равнодушие страшнее самого жуткого маньяка-убийцы, оно жизни людей косит конвейером. Предпочитают отмолчаться, отсидеться, не видеть и не знать. Так жить легче.

(с) Отшельник. Ульяна Соболева

Это был жуткий и самый кошмарный сон. Сон, в котором я бегу через лес, спотыкаюсь, царапаю руки и ноги ветками и испуганно оглядываюсь назад. Мои руки в крови... в ЕГО крови. И я в истерике, я трясусь от дикого ужаса и от мысли, что убила его. От мысли, что он сейчас там, валяется на земле окровавленный, с ножом в боку и смотрит в небо своими пронзительно-синими глазами.

Остановилась, чтобы отдышаться, снова оглянулась назад. Как же хочется вернуться, как же хочется сломя голову побежать туда, где он медленно оседал на колени, глядя на меня и жутко улыбаясь своим безупречно красивым ртом. Ртом, который меня целовал...ртом, который грязно опускал меня в болото и возносил на вершины экстаза, ртом, который я успела полюбить себе на погибель.

А потом прижала руки к животу и вспомнила, как он...почему это сделала. Свой выбор. Никто и никогда не будет дороже и любимей собственного ребенка. И у меня есть только он. Еще нерожденный, но самый родной. Единственный родной для меня.

Развернулась и, всхлипывая, побежала в сторону дороги.

Потом я буду брести по ней очень долго. Ободранная, грязная и босая. Мимо проезжают автомобили, кто-то облил меня грязью. Я мокрая, голодная и обезумевшая от страха, от горя и от неизвестности. И я еще не знаю, куда иду. Мне не к кому. У меня нет денег и нет документов. И мне безумно страшно, что за мной будут гнаться, что меня найдут и, если я его убила, посадят, и отберут потом ребенка. А может, за убийство президента казнят. Нет, мне не страшно за себя. Мне страшно за тот комочек, который живет во мне, страшно, что он останется в этом мире совершенно один, как я когда-то. Страшно, что однажды ему придется себя продать, чтобы выжить. И я не имею права этого допустить.

Возле меня внезапно остановилась машина, и я чуть не заорала от ужаса, бросилась в сторону. Поскользнулась в грязи и чуть не упала. Стекло опустилось, и я увидела Гройсмана.

– Садись!

Кивнул на переднее сиденье, но я отрицательно покачала головой.

– Садись, говорю!

– Нет! Неет! Убирайтесь!

– Садись, дура! Я помочь хочу! Никто больше не поможет! Сгребут какие-то уроды или менты! Садись в машину! Застудишься и без ребенка останешься!

– Это...это он вас послал?

– Нет! Не бойся! Садись!

Полил дождь, и я все же открыла дрожащей рукой дверцу машины и села. Меня трясло так, что зуб на зуб не попадал. Гройсман набросил мне на плечи свой пиджак и протянул бутылку с водой.

– Выпей. На заправке чай горячий куплю.

Сорвались с места. Не знаю, почему села к нему. Боюсь до дикой дрожи и в то же время понимаю, что нет у меня выбора. Нет другого спасения. И долго брести по этой дороге я тоже не смогу.

– Куда мы едем?

– На заправку. Переоденешься, и я тебя на вокзал отвезу. Там сзади твои вещи и документы. Поезжай куда глаза глядят. Желательно, как можно дальше.

Кивнула и в бутылку обеими руками впилась, меня все так же трясет и все так же стучат зубы.

– Он...он жив?

– Жив.

– Он...

– Выкарабкается. Рана не смертельная.

А у меня перед глазами день...когда я поняла, что не могу без него, когда он впервые мне улыбался.

«Он привез меня в гостиницу на берегу моря. Если нас и сопровождала охрана, делали они это очень осторожно и незаметно. Потому что у меня впервые создавалась иллюзия, что мы одни. Оказывается, вот этого самого ощущения мне ужасно не хватало. Обычного, человеческого уединения.

Привычная роскошь вновь вернулась в мою жизнь. Роскошь и чистота. В номере он занес меня в ванную и долго мыл...очень осторожно, почти лаская, почти не касаясь моей обгоревшей кожи мягкой губкой, только пальцами и мыльной пеной.

Я все равно плакала. Мне кажется, от счастья. Наполненная радостным облегчением и потерявшая бдительность рядом с ним. Таким нежным, таким необычайно осторожным. Даже его взгляд казался мне новым. Страждуще-тоскливо-горящим. Можно подумать, что он сильно соскучился и не скрывал этого, и я верила. Да, я верила этому взгляду, потому что мне уже давно больше нечему и некому верить. Потому что вот этот палач – он же и мой единственный друг. Мой любовник, брат, отец.

И во мне вдруг возродилась надежда, что между нами нечто большее...что у нас ...у нас, как невероятно и прекрасно это звучит. У нас чувства. Мы оба, как моральные инвалиды, не знаем, что с ними делать. У нас с детства атрофия эмоциональной привязанности, и когда она вдруг возникла, мы решили обрубить ее до мяса и искромсали друг друга.

Сейчас я готова была поверить, что он тоже страдал.

Завернутую в огромное полотенце меня вынесли из ванной и уложили на ароматные чистые простыни, а затем его шершавые и горячие пальцы втирали в мою кожу прохладную мазь. Мы оба молчали.

Счастье оказывается не веселое, не тарахтящее и блестящее, оно очень тихое, трогательно-пугливое и осторожное.

– Мне обещали, что волдырей не будет.

Тихо сказал, склонившись ко мне и проводя большим пальцем по моей скуле. Его глаза – два огромных, кипящих океана с белоснежной пеной белков, окружающей ярко-синюю радужку.

– Наверное, я заслужила парочку волдырей.

Усмехнулся и, вдруг наклонившись к моим губам, нежно облизал их одну за другой, очертил их контур кончиком языка.

– Я натру тебе совсем другие волдыри, Марина. Обещаю.

И улыбается, так улыбается, будь он проклят, что я забываю, как дышать. И мне больше не хочется броситься прочь, спрятаться, сбежать от него на другой конец света. Мне кажется, в его взгляде появилось нечто новое, совершенно непохожее на все его другие взгляды на меня. Или...или я просто маленькая идиотка. Скорее всего, последнее, но как же сильно хочется верить, что между нами что-то изменилось.

– Ты меня накажешь?

– Еще как накажу. Я буду наказывать тебя сутками напролет!

Наклонившись еще ниже и погладив мои бедра, он рывком развел мне ноги в стороны, наклонился между ними, а его проклятый умелый язык заскользил, извиваясь, между моими нижними губами, обвивая клитор и жадно ударяя по нему.

– О, Господи! – всхлинула и, изогнувшись, впилась руками в простыни. Я застонала и закатила глаза от наслаждения настолько острого, что казалось, я сейчас умру. Горящее тело приятно холодило от мази, и это контрастировало с бушевающей меня лихорадкой.

– Дааа, я твой Бог, Марина...никогда не забывай об этом!»

Отвернувшись к окну и заплакала навзрыд, прислоняясь лбом к окну и закрывая глаза. Да...он был для меня больше, чем богом.

– Там в сумке карта, на ней деньги, снимешь все и спрячешь. Там немного. Это мои сбережения. Неофициальные, которые никто не отслеживал. На черный день, так сказать. Но на первое время хватит, чтоб ноги с голода не протянуть. И еще...надумаешь говорить с прессой и шантажировать его ребенком, он тебя уничтожит, и тебя и...младенца. Беги и забудь о нем, поняла?

Быстро киваю и не могу успокоиться. Его слова, они такие больные, такие страшные. Как будто я какая-то мразь, как будто я...как будто мне было что-то от него нужно. Как же ужасно все это звучит. Ненавижу его. Лучше бы он, и правда, сдох! Вытерла обеими руками слезы и повернулась к Гройсману.

– Зачем вы все это делаете?

Он на меня не смотрел, смотрел на дорогу.

– Когда-то давно у нас с женой была дочь. Раиса. В твоём возрасте она связалась с плохой компанией и сбежала из дома. Ее нашли у дороги. Изнасилованную, избитую и мертвую. Потом их нашли, судили. А мне то что...Дочку уже не вернуть. Жена умерла спустя год, после инсульта. Я много раз думал о том, что было бы, если бы поехал за ней тогда. Если бы не психанул и не сказал, что мне плевать на нее и она мне больше не дочь...И...Сара так говорила. Что это я виноват.

– Вы не виноваты...Дети не всегда вырастают такими, как хотят родители.

– Виноват. Родитель всегда виноват. Мы взрослые. Мы должны быть умней. И ум этот не в гордыне, не в том, чтобы победить, отвернуться спиной, а в том, чтобы уметь протянуть руку своему ребенку, даже когда он держит дуло пистолета у твоего виска. Кто знает...может быть, если мы протянем руку, это окажется не пистолет, а букет цветов. Кто знает, что могло бы быть, если бы мы всегда протягивали руку первыми своим детям, а не ждали, пока они придут перед нами извиняться или удовлетворят наши амбиции и исполнят наши мечты, закроют наши гештальты. Гордыня – грех...

Я ничего ему не ответила. Да он и не говорил со мной. Он говорил с самим собой и не нуждался в моем утешении или поддержке. И ведь именно сейчас, именно со мной он и закрывал свой гештальт. Делал то, что когда-то не сделал для своей дочери.

Мы остановились возле заправки, и Гройсман вручил мне пакет с вещами.

– Иди в туалет, обмойся и переоденься. Я буду ждать тебя здесь.

Когда я вернулась в чистой одежде, он уже сидел с двумя чашками дымящегося чая в руках и бутербродами. Один протянул мне.

– Перекусим и поедем. Билеты бери и езжай как можно дальше. Чтобы не нашел, если даже захочет. Пользуйся наличными. Карты легко отследить. В сумке документы на другую фамилию. Сможешь поступить и доучиться. Не светись. Никуда не суйся. Лет через пять, может, и забудет о тебе. Наверное...

Сказал и сигарету достал из кармана, потом положил обратно.

– Черт. Забыл, что при тебе нельзя.

Мы не прощались. Гройсман просто высадил меня возле вокзала, отдал мою сумочку и сорвался с места. Я даже не успела сказать ему спасибо. Но он, видно, в моем спасибо и не нуждался.

Я сняла с карты все деньги, которые там были, карту разломала и выкинула в мусорку. Когда покупала билет, даже город не спросила. Сказала, чтоб дали на ближайший и как можно дальше отсюда. Кассир не удивилась, ее лицо оставалось бесстрастно холодным. Протянула мне билет и снова принялась разгадывать кроссворд.

Я посмотрела на название города и сжала билет в ладони. Теперь меня действительно ждала другая жизнь. И полная неизвестность.

А ночью у меня украли сумочку с деньгами и документами.

Я даже не могла теперь уехать с вокзала. Сидела на скамейке и смотрела впереди себя. Совершенно не зная, что теперь делать и куда идти. Это был ступор. У меня не осталось сил даже нервничать или плакать. Я в чужом городе. И у меня в руках... совершенно пусто. Я сошла с поезда, в котором и не думали искать мою сумку, а проводница матом послала меня куда подальше и захлопнула дверь своего купе у меня перед носом.

– Покажите ваши документы!

Подняла голову и увидела двух полицейских. Они смотрели на меня с явным презрением. Один засмотрелся на мои ноги в разрезе юбки, потом на декольте свитера и отвратительно ухмыльнулся.

– У меня их украли. В поезде.

Тихо ответила и отвернулась.

– Кто украл?

– Откуда я знаю. Это вы должны искать воров.

– Кто тебя крышует, стерва? – цыкнул на меня второй и, схватив за локоть, содрал со скамейки.

– Что?

Я не понимала, что он от меня хочет. О чем вообще говорит.

– Спрашиваю, крышует кто? Сутенер твой кто? Микки? Или Анка?

– Какой сутенер? Боже! Вы о чем? У меня украли сумочку! Украли деньги и документы!

Мне никто не помог в поезде!

– Уймись, Паш. Она явно не из этих. Посмотри на нее. Вся ухоженная, аристократичная.

– Ухоженная. А почему к нам не пришла, чтоб документы твои нашли или деньги?

– А вы бы нашли?

– Пройдемте с нами!

– Что делаете в городе?

– Учиться приехала.

Отвечаю, а сама тереблю край юбки. Она дорогая, стильная, как и туфли на невысоком каблуке, как и мой маникюр, на который посматривает следователь. И мне почему-то за него стыдно. Как и за одежду, как и за то, что вообще сижу здесь.

– А где чемодан? Вещи? И почему плацкарт, если у вас явно были возможности поехать в купе?

Окинул меня снова внимательным взглядом.

– Мне пришлось уехать срочно. Так сложились обстоятельства.

– Ясно. А кто мог украсть вашу сумочку? Видели кого-то?

– Нет... я задремала, а когда открыла глаза, вместо сумочки в руках было свернутое вчетверо полотенце. Я даже не почувствовала, как сумку сняли.

Он записывал что-то и посматривал на меня исподлобья. Молодой, довольно симпатичный. Темноволосый с аккуратными усами, совершенно не модными сейчас, в бежевой рубашке с расстегнутым воротником и короткими рукавами.

– Учиться на кого приехали?

– Не знаю.

Поднял снова голову и посмотрел мне в глаза.

– Как не знаете?

– Я еще не решила.

– Понятно. И куда теперь...

Пожала плечами и почувствовала, как сейчас снова разревусь, потому что сил никаких нет, потому что я сломана и мне ужасно страшно. Вот он сейчас позвонит куда надо, и за мной приедут.

– Марина Геннадьевна...

– Просто Марина.

– Просто Марина. Вставайте. Идемте со мной.

– Куда?

– Идемте. Меньше вопросов – больше толку.

Не знаю, почему я за ним пошла. Наверное, потому что больше некуда было, наверное, потому что я устала бояться. У него скромная машина отечественной марки. Открыл передо мной дверцу, предлагая сесть. Я села, сложив руки на коленях.

– Голодная?

– Нет.

Соврала я и отодвинулась от него подальше. Мало ли, что у него на уме. Я даже не знаю, куда мы едем, и спросить боюсь и попроситься выйти. Потому что на улице тоже страшно, и уже вечер. Где я ночевать буду?

– Голодная. Я в этом уверен.

– Куда мы едем?

– Туда, где вы сможете переночевать, поесть и решить, что делать дальше.

Ответил, глядя впереди себя и включая радио на старом приемнике. После шикарных машин Айсберга мне все казалось маленьким и убогим, но почему-то уютным, и страх постепенно начал отступать.

– Зачем...вы это делаете?

– Верите? Сам не знаю. Сумку вашу искать будем и, думаю, найдем. А пока...пока вам надо где-то остановиться, иначе...в неприятности попадете. Город у нас...не совсем благополучный в плане преступности. А вы явно не с улицы.

Быстро посмотрел на меня своими карими глазами и снова отвернулся.

– Он вас выгнал?

– Кто?

– Или вы от него сбежали?

Молчу, отвернувшись к окну. Судорожно глотая слюну и не зная, что ответить.

– Понятно. Значит сбежали. И правильно сделали...Домашнее насилие часто заканчивается убийством. Статистика такая.

А я как будто кино смотрю с дурацким сюжетом, и в этом кино не я, а кто-то другой. Ведь со мной все это не может происходить. Как я оказалась здесь, в машине следователя этого захоlustья и еду с ним неизвестно куда. Машина остановилась во дворе частного дома. Синий деревянный забор, аккуратная калитка.

– Приехали.

Вышел из автомобиля. Он не очень высокий, но крепкий, ширококостный. Походка быстрая, отрывистая. Отворил дверцу с моей стороны, выпуская из машины.

– Идемте.

– Я не могу. Это неудобно...

– Неудобно сидеть на вокзале без документов и денег.

Позвонил в звонок возле калитки, и издали послышался старческий женский голос:

– Иду-иду. Я сейчас.

Залаяла собака, и я вся внутренне сжалась. Да, не страшно. Но очень стыдно и как-то ужасно неловко. Калитку открыла пожилая женщина с гулькой на макушке. Посмотрела на следователя, потом на меня.

– Добрый вечер, Михаил Родионович.

– Добрый, Лариса Николаевна. Я тут вам постоялицу привел. У нее, правда, пока денег нет за комнату платить, но она устроится на работу и оплатит. Возьмете?

Посмотрели друг на друга. Она очки поправила, шаль на груди.

– Отчего ж не взять, если ее привел ты, Миша. Здравствуйте!

Посмотрела на меня, и я немного поежилась. Взгляд у нее проницательный, изучающий, но доброжелательный.

– Добрый вечер.

– Как звать?

– Марина.

– Заходите, Марина.

Пропустила меня за калитку, а сама на Михаила взгляд перевела.

– Зайдешь?

– Нет. У меня еще работы много. Спасибо, что не отказали.

И я чувствую, что между ними напряжение какое-то. Вроде не чужие, но в то же время не близкие. Едва вошла, на меня собака напрыгнула, и я ойкнула от неожиданности.

– Фу, Герцог, фуууу!

Герцогом оказалась крупная дворняга с всклокоченной шерстью. Не на привязи и без намордника.

– Не целуй незнакомцев!

Шикнула на него, когда он вдруг лизнул меня прямо в губы.

– Я те дам, паршивец! Не бойтесь его. Герцог любвеобильный и женщин любит. А вот мужиков гоняет. Он – помесь волкодава и еще кого-то там. Его мой покойный муж притащил три года назад с мусорки. Так что парень молодой и горячий. Брысь, я сказала!

Шикнула на пса, и тот быстро ретировался назад, но на меня поглядывал и хвостом вилял.

– Пошли в дом, а то комары нынче совсем сдурели. Жрут сволочи и никак не нажрутся.

Домик небольшой, но очень аккуратный, ухоженный. Внутри чисто, пахнет сдобой и вареньем. У меня заурчало в животе.

– Голодная?

Кивнула и замаялась на пороге.

– Да ты не стесняйся. Вот тапки. Переобувайся, мой руки, и пошли ужинать. Я пирогов напекла. Как знала, что гости будут.

Тапочки оказались женскими с помпонами.

– Это дочки моей. Проходи.

Помыла руки в небольшом туалете, вытерла чистым белым вафельным полотенцем. Мельком взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. Там стоит загнанное и перепуганное существо. Совершенно не похожее на меня. Прошла на кухню. Как же неловко и не знаю, что сказать. Стыдно вот так к человеку заявиться и сесть за стол.

Лариса Николаевна поставила пузатый чайник посередине и подвинула ко мне пироги.

– И кем же вы работать будете, Марина?

Я отпила чай и подняла на нее взгляд, чувствуя, как вся кровь приливает к щекам.

– Я учиться приехала...

– А чемодан где? Сумочку украли – это я уже поняла...а вещи?

– Так получилось, что я без вещей.

– Ммм... ясно.

– Я сейчас чай допью и уйду. Мне, правда, нечем платить за жилье и...и я пока не знаю, где работать.

– А где работала?

Посмотрела на меня своими молодыми светло-голубыми глазами и поправила величественную причёску. Она напоминала мне учителя или директора школы. Очень интеллигентная, правильная.

Глава 2

Этот самодовольный ублюдок всецело обожает свою внешность, каждую родинку на себе и каждую волосинку. От него за версту прет самодовольством. И он нравится женщинам. Такое понимаешь сразу на уровне подсознания. Для этого не нужен опыт. Просто видно по этому взгляду, походке, улыбке, продуманной до мелочей небрежности, где каждая расстегнутая пуговица на рубашке часть его охоты на жертву.

(с) Ульяна Соболева. Отшельник

Да, я привязалась к Ларисе Николаевне. Я полюбила ее и привыкла к ней. А она очень тепло относилась ко мне...Михаил был ее зятем. Бывшим зятем. Ее дочь, Ксюшу, сбила машина...Беременную дочь. Врачи боролись за ее жизнь несколько суток, но так и не спасли. Для Ларисы Николаевны это стало страшным ударом, и она слегла с инфарктом в больницу. Потом долгое время не могла преподавать.

Миша не оставил свою тещу и часто навещал ее, помогал что-то починить, звонил и заходил по праздникам. Называл ее «мама». Вещи Ксюши пришлось мне впору...Вначале дико было надеть платья, костюмы погибшего человека, но, когда увидела радостные глаза Ларисы Николаевны, не смогла снять и отказать ей.

– Ты понимаешь, Мариночка... я же выкинуть все это хотела, а рука не поднималась. Как будто не давало что-то отнести в церковь или на мусорку. Жалко было. Ксюша моя аккуратная очень была. Все вещи долго носила и обувь. Все как новое у нее. Я достану из шкафа, переберу и... и не могу отдать. А ведь, оказывается, не зря. Не зря хранила. Знал кто-то там наверху, что ты появишься. И что тебе нужно будет.

И я приняла от нее все эти вещи... а потом мне начало казаться, что они меня греют. Как будто реально для меня лежали и меня ждали. Хотя... могло быть и наоборот, но не стало.

– Это в утешение мне тебя Бог послал. Так нужно было. И Миша знал об этом тоже. Ведь он тебя именно ко мне привел. А ведь мог и не привести.

Лариса Николаевна о моей беременности сразу узнала. Уже на второй день, когда я утром стояла на коленях в туалете и извергала содержимое желудка, она посмотрела на меня, когда я вышла, и сказала:

– Пацан будет. Только с ними так сильно полосет. Отец знает?

Отрицательно качнула головой, и она больше этот вопрос не задавала. В универ я поступила благодаря ей. Училась хорошо. Стыдно было плохо учиться, когда у самой декана живешь на квартире. Оплату с меня Лариса Николаевна не брала. Тетя Лара...когда дома, и никто не слышит. Я продукты покупала домой, а она и за это ругала.

– Не трать! Собирай для ребенка. Первое время столько всего нужно и коляску, и кроватку, я уже молчу про одежду. Ксюшка моя суеверная была...до последнего ничего не покупала, а оно вон как...Вот тебе и суеверия. Ничего не помогло....На восьмом месяце ушла от нас. И внука моего с собой забрала. В одну секунду сделала мать сиротой.

Каждый раз, как о дочери говорит, глаза слезами наполняются и за платком тянется, и у меня все внутри переворачивается. Жалко ее. По-настоящему добрых и хороших людей редко встретишь, а она именно добрая была, искренняя. У меня рядом с ней на душе светло становилось. Бывает ночью рыдаю в подушку, сдавленно всхлипываю и слышу, как она в комнату заходит и по голове тихонечко гладит.

– Все хорошо будет, Мариночка. Все хорошо. Родишь малыша, и новый смысл в жизни появится...не ты первая, не ты последняя без мужика рожаешь. Я своего похоронила, когда Ксюше пять было. И ладно бы умер от несчастного случая или из-за здоровья. Спился. Вот так, ни я, ни дочка не остановили. Человек водку нам предпочел...умер в подворотне в обосанных штанах, весь в блевотине. Перед этим деньги у меня украл и все золото вынес. Я лет до пятнадцати дочери рассказывала, что он от инсульта... а потом доброжелатели всю правду доложили. Так что иногда лучше и вовсе без отца...чем с таким.

А сама подсовывала мне деньги на проверки. Она пристально следила, чтоб я не пропускала анализы и ходила в женскую консультацию.

– Так. Скоро двадцать две недели. Пора делать второй скрининг. Давай-давай. Дуй к Ипполитовне. Она все посмотрит и даже почки проверит. У нас на всю клинику один аппарат УЗИ. Она тебя без очереди отведет к Матвею Руслановичу. Дочка ее у меня учится, дура дурой, а оценки хорошие хочет...Так что Ипполитовна с тебя пылинки сдувать будет. Я ей уже позвонила.

– Теть Люда, не надо. Я заплачу, у меня есть...

– Есть у нее. Что ты там зарабатываешь в своей библиотеке.

А сама вдруг со стола рукоделие свое хватает и мне показывает...Нежное голубое полотно с ажурным узором.

– Смотри, внучку нашему пледик вяжу. Как с роддома заберем, укрывать будем. В октябре прохладно уже.

«Наш внучек»... говорит, и мне опять на душе тепло становится. На втором скрининге подтвердили, что мальчик будет. Внутри меня все возликовало. Какое-то странное злорадное ощущение...какой-то триумф, что именно у меня родится от НЕГО сын. А ОН никогда его не увидит. А вместе со злорадством боль дикая. Адская боль во всем теле так, что душу скручивает, раздирает на куски. Ведь запретила себе о нем думать. Табу. Нет его для нас с малышом и никогда не будет. Это только мой ребенок. Ему он и нужен не был. Запретила себе новости читать и телевизор смотреть. Вспоминать запретила и плакать.

А мне и не нужно было. Я его каждую ночь во сне видела. Как назло. Как будто у меня свой собственный телевизор в голове, и он только этого проклятого тирана транслирует. И утро снова в слезах, и боль в груди, и ощущение тоски и бессилия. Ощущение собственной ничтожности. И любовь больная, злая и непонятная. Я встану рано утром и Герцога с собой беру на прогулку.

Ипполитовна сказала каждый день гулять и гемоглобин повышать, а еще двигаться, чтоб сильно вес не набрать, а то отеки могут быть. Я перед работой обязательно с псом к речке иду. Люди на нас оборачиваются, я такая маленькая с круглым животиком и огромная псина на поводке рядом со мной. Живот у меня как-то сразу вылез. Говорят, у маленьких и худых животы тоже маленькие, а у меня наоборот – уже с четвертого месяца хорошо все видно было.

– Девушка, а вдруг он вас потащит, и вы упадете? Хоть бы о ребенке подумала. Выгуливает такую лошадь!

– Сами вы лошадь! – огрызнулась и погладила Герцога между мягкими ушами.

Заботливые прохожие часто любили вставить свои ненужные пять копеек.

– Он скорее меня на себе повезет.

И мы с Герцогом важно шли к побережью уток кормить. Он садился рядом со мной возле скамейки, а я швыряла кусочки хлеба в воду и смотрела, как утки жадно его глотают и чистят перышки.

Сегодня тоже пошли... А потом мне вдруг стало там не по себе. Какое-то деланное спокойствие, какая-то тишина, как штиль перед бурей. Словно все вокруг затаилось. Смотрю, как дети пускают воздушного змея, а рука лежит на животе и нежно поглаживает в том месте, где пинается сыночек. И мою душу переполняет безграничная нежность и тоска, и это невероятное ощущение, что никогда и никому в обиду его не дам.

Несколько последних недель мы вместе с курсом ездили на практику в дом малютки. Там маленькие детки до двух лет...брошенные, подкинутые, отнятые у неблагополучных родителей. И каждого хочется обнять, приласкать, пожалеть. И в голове не укладывается, как можно своего малыша оставить...как можно бросить и забыть. Я своего еще ни разу не видела, а меня от каждого легкого движения изнури переполняет сумасшедшей любовью. Заведующая рассказывала их истории, показывала карточки. А я рыдала над каждой из них и понимала, что там работать не буду. Мне нужно будет забрать их всех к себе...усыновить каждого и, если я не смогу этого сделать, я сама начну болеть.

Вчера маленький Андрейка подарил мне пуговицу. Обыкновенную пуговицу. Он где-то ее нашел и принес мне. Отдал. А потом долго смотрел в глаза, и я вдруг поняла...что он ждет от меня каких-то действий. Ждет, что взамен я возьму его к себе.

– Ты не сможешь обогреть каждого из них, Марина. Ты должна к этому привыкнуть. Ты можешь дарить им свое тепло здесь. Мы все через это прошли.

В голове прозвучал голос заведующей домом малютки, и я тряхнула ею, чтобы избавиться от этих мыслей. Бросила снова кусочек хлеба в воду и... и в этот момент мне показалось, что на меня кто-то смотрит. Как будто все стихло и затаилось от этого ощущения. И этот взгляд... я ощущаю всеми фибрами своей души. На меня не просто смотрят, меня пронизывают взглядом, меня им сжирают. Опустила голову, чтобы взглянуть на Герцога – он безмятежно положил морду на лапы и не проявляет признаков беспокойства. Вначале очень страшно было обернуться. Но я все же решилась – позади никого. Осмотрелась по сторонам и тихо выдохнула. Если Герцог спокоен, значит, и я могу успокоиться. Как вдруг он вскинулся и зарычал, а я резко снова обернулась назад и увидела, как какой-то силуэт скрылся за деревьями. Перед глазами потемнело, и я словно в предобморочном состоянии подумала о том, что...силуэт очень похож на НЕГО.

Бросив поводок, я быстрым шагом пошла к аллее, но там никого не оказалось. Я обернулась назад, снова посмотрела перед собой. Сердце сильно и глухо забилося в висках, запульсировало где-то в горле. Я быстрым шагом пошла в сторону дороги, туда, где находилось заброшенное здание. Герцог бежал следом за мной...а мне вдруг показалось, что я чувствую запах. Знакомый до боли оглушающий запах...от которого начинает трясти все тело и немеют кончики пальцев.

Еще быстрее по тропинке, вперед, обхватывая одной рукой живот. Выскочила к дороге.... И...и никого.

– Привет.

Подпрыгнула от неожиданности и обернулась. Позади меня стоит Михаил и поглаживает морду Герцога, который радостно виляет хвостом и тыкается носом ему в ладони.

– Привет... ты давно здесь?

– Нет. Вон машину припарковал, шел к побережью и тебя увидел.

Показал рукой на автомобиль и улыбнулся, но улыбка вдруг пропала с его лица.

– Что случилось?

– Н...ничего, – растерянно ответила я и опять огляделась по сторонам. Я готова поклясться, что на меня смотрели, и этот человек скрылся за деревьями по направлению к

дороге. Я же видела силуэт. Большой, высокий мужчина в пальто. Мне даже показалось, что у него светлые волосы... Кажется, я схожу с ума.

– Неправда. Ты очень бледная.

– Мне показалось, что за мной кто-то идет.

– Здесь никого не было. Правда, когда припарковался, отъехал какой-то джип. Но я не видел, чтоб в него кто-то заходил. Здесь утром безлюдно. Разве что собачники и бегуны.

– Джип? – переспросила, и сердце снова тревожно забилося, затрепетало.

– Ага, джип. У нас тут крутиков до хрена. Так что не удивительно. Давай домой отвезу вас с Герой. Ты на работу не опаздываешь?

Посмотрела на часы и вскрикнула.

– Опаздываюююю, ужас какой. Подвезиии.

– Ну вот, значит не зря приехал.

Подхватил поводок Герцога и предложил мне опереться о его локоть.

– Та ладно, я ж не инвалид. Сама дойду.

Сказала и тут же, подвернув ногу, упала. Михаил бросился ко мне поднимать, а я за живот обеими руками и с облегчением толчки ребенка ощутила, выдохнула. От ужаса, что могла ему навредить, внутри все похолодело.

– Животом не ударилась? Может, в больницу?

– Нет-нет. Я на колено упала. Просто испугалась.

Отряхивает мою куртку, поправляет повязку на ушах. Он такой хороший. Такой добрый и заботливый. Я привыкла, что он всегда рядом. И к глазам его преданным, собачьим привыкла, и к тому, что с работы домой возит и в гости приходит... якобы Ларису Николаевну проведать. Только нет у него ни единого шанса... Как после самого ослепительного солнца довольствоваться тусклой, искусственной лампочкой. И пусть от солнца можно было погибнуть, а на душе и на сердце остались жуткие шрамы от ожогов... ничто и никогда его не заменит.

– Да тут колдобины на каждом ходу. Местная власть все обещает тротуары заасфальтировать, а вместо этого пару дыр залатают, а остальное себе в карман. Давай держись за мою руку, и пошли домой отвезу, а потом на работу.

Самое странное, что уже к вечеру, когда я ехала домой, на побережье начали ремонтировать тротуары.

Глава 3

Деньги дают власть. Огромные деньги дают огромную власть. Все остальное лишь иллюзия выбора народа. Страх – вот истинная эмоция, которая правит миром. Тот, кто заставляет вас его испытывать – владеет вашим разумом. Все это фигня насчет чувства вины. Ложь безграмотных заграничных психологов и пафос цитаток, которыми пестреют аккаунты напыщенных идиотов, возомнивших себя умниками.

(с) Отшельник. Ульяна Соболева

Да, он поехал к ней. Да, не выдержал, как последний идиот. Да, после того, как дал себе слово не искать, не трогать и забыть. Но как, бл*дь, забыть? Как? Его от одного ее имени трясет и швыряет в пот. От каждой мысли о ней под кожу впивается миллион адских иголок и режут, вспарывают ему плоть, текут по венам прямо к сердцу, чтоб впиться в него, просочиться внутрь и застрять там, чтобы вечно кровоточить.

Особенно после того, как она его убила...

«– Не смей... не смей делать из меня такую как ты. Я другая! Я в отличии от тебя не айсберг, а человек! Я не убийца!

– Убийца... Ты убийца, маленькая девочка Марина. Разве ты не такая? Ты лучше? Чище? Ты продажная сучка, которая пришла ко мне и раздвинула ноги за деньги. Из-за тебя погибли

люди. Сколько? Ты знаешь сколько погибло из-за тебя? Ты хотя бы раз подумала о ком-то из них? Вспомнила из лица?

Нож в ее руке близко от его груди, но она старается держать его дальше.

– Ты их убил! Ты! Не вешай на меня свои преступления! Ты – чудовище!

– Моя девочка! Посмотри мне в глаза. Как в зеркало и узри там самое жуткое чудовище – саму себя! Это ты! Ты! Каждый раз их убивала ты!

Навис над ней и схватил ее за измучанное и истерзанное горло, напоминая о том, как чуть не задушил, вселяя панический ужас, заставляя вспомнить всю ту боль, что причинил ей...лишая себя и ее разума.

– Ты вкладывала в мои руки нож...как я сейчас в твои, и ты отдавала команду «фас». Ты провоцировала меня, заставляла ревновать, искать тебя, наказывать тех, кто смел тебя тронуть! Ты знала, что их ждет расплата и все равно продолжала их убивать! Ты убийца! Как бы тебе не хотелось это отрицать!

– Нет! Нееет! – закричала пытаясь вырваться. – Я не хотела! Я не желала никому смерти!

– Да! И сейчас тоже выберешь ты...или пойдешь со мной или...

Я не успел договорить, потому что она вогнала лезвие где-то там внизу, сбоку от моей правой руки. Вогнала и замерла, глядя мне в глаза, чувствуя, как по ее щекам текут слезы. Я медленно опускаю голову и хватаюсь рукой за бок, потом смотрю на свою окровавленную ладонь и снова поднимаю глаза.

– Молодец..., – очень хрипло, глядя на меня плывущим взглядом, чуть пошатываясь и зажимая свой бок ладонью, – а теперь БЕГИ!

Отшатнулся от меня, сползая на землю, а я от него и бросив нож в сторону

– Беги! Давай! Бегишии!

И побежала в сторону леса. Услышав где-то позади себя топот ног, голоса и мое истошное:

– НЕ СТРЕЛЯТЬ! Пусть уходит!»

Простить...нет, он не простил ни ее, ни себя. Нет в этом аду прощения, нет для этого ада никакого названия. Не любовь это, и не страсть, и даже не похоть. Это нечто очень темное, страшное и живучее, как тварь из преисподней. У него жена умирает в реанимации...у него сын погиб еще в ее утробе...а он, он тоскует до отчаянной боли по убийце, тоскует так неистово, что кажется, сойдет с ума, тоскует до изнеможения и готов...да, он готов приползти на коленях, чтобы вернуть ее обратно.

Ему звонят из реанимации, где борется за жизнь его жена, а он каждые пять минут названивает в другую больницу...где лежит она. Искалеченная им, вывернутая наизнанку. Она вся в синяках, а он рыдает, когда вспоминает, как ремень со свистом опускался на нежную кожу. И вздрагивает так, будто он вспорол ему тело. Он тогда сделал нечто ненормальное. Нечто чудовищное, болезненное для понимания человеческого мозга. Он избил самого себя. Разделся наголо, встал на колени, обнажил ремень и пряжкой по спине. Со всей дури. Так, чтоб до мяса, так, чтоб от боли искры из глаз сыпались, и с каждым ударом о ней... с каждым ударом размахнуться еще сильнее, чтобы наказать себя за нее. А потом валяться в собственной крови и чувствовать, как руки Райского отдирают его от пола. Чувствовать, как накладывают швы на лопнувшую кожу. И ни одна живая душа об этом не знает, кроме преданного друга. А у него конференции, у него поездки. И каждый шаг мешает дышать... а он дышит, он не смеет позволить себе расслабиться. Это кара...за то, что смог это сделать с ней. Это вечное напоминание о том, как убивал ее и себя.

И все же сломался. Нашел...позвал к себе. Готов был все забыть, лишь бы вернулась к нему. Лишь бы снова смотрела на него своими ведьминскими зелеными глазами и позволяла

ласкать свое роскошное тело. Жалкий глупец был готов встать перед ней на колени. Сколько раз она говорила ему, что она его вещь. Нееет. Это он ее вещь. Это он ее преданный пес, он ее раб и ее безделушка, которую она швыряет вон и топчет ногами. За каждое ее ненавижу ему хочется вспороть себе вены. Каждый, кто смотрит на нее, а особенно тот, на кого смотрит она... должен умереть. Потому что ревность принимает чудовищные очертания и делает из Петра дикое и безжалостное животное.

– Вернешь ее, и вернутся проблемы. Откупись. Мы дадим ей много денег. Мы предложим ей жизнь за границей, недвижимость и перспективное будущее. Откажись и забудь.

Соглашался. Да, он кивал головой, он соглашался. А потом рычал по ночам и метался по своему опустевшему дому, и готов был вырвать себе глаза только потому, что они до слез хотят ее видеть.

Райский тогда приехал к нему поздно вечером. Привез дорогой виски и французский коллекционный шоколад.

– У нас проблемы, Петр. Серьезные проблемы с перспективой вырасти в огромные.

– Какие?

– Твоя бывшая пассия беременна. Только что мне сообщили врачи из больницы.

Дернулся всем телом и со стоном закрыл глаза.

– Бред. Мы предохранялись.

– Не бред. У меня на руках ее анализы. Заставь сделать аборт. Ты вообще представляешь, какой это скандал? Избитая тобой и злая сучка предьявит, что она беременна от самого президента. И за меньшее лишались головы.

Он говорит, а Петр сжимает руки в кулаки. Все сильнее и сильнее, кажется, кожа лопнет от натяжения на суставах. И те...мысли, которых не должно быть, которые нельзя, которые всегда не про него. Она с его ребенком...она на его кухне, она в его постели, а рядом колыбель...И он. Счастливый он. Впервые за всю свою жизнь счастливый. И тут же смести со стола все, что там лежит, и отойти к окну, распахнуть настежь, вдыхая ядовитый кислород мегаполиса, в котором он никогда счастлив не был и не будет.

– Она сделает аборт и вернется в мою постель.

– Мне насрать, что ты с ней будешь делать дальше. Заставь избавиться от бомбы с часовым механизмом, которая разнесет не только твою жизнь, но и мою тоже.

– Тон смени...насрать ему. Выбирай слова.

Рыкнул и отвернулся снова к окну. Безжалостно раскромсал все мечты о семье, о любви и о детях от нее. Одно только оставил – ее снова рядом. Подумал, разрешил себе и сошел с ума от дикой тоски. Хочет с ней быть. Хочет. Ценой всего, ценой своей гордости. Ценой жизни Людмилы, ценой жизни нерожденного младенца. Закроет глаза на ее подлость и на то, что она...она лишила его сына.

Прикоснулся и чуть не сдох от счастья, смял руками, губами и стонал от удовольствия, от бешеной радости, от схлынувшей неизвестно куда ненависти. И сам себе вторит...Останься со мной. Не бросай. Согласись на мои условия и давай все забудем. Я прощу тебя... я готов все простить. И себя прощу за то, что чуть не стал твоим убийцей.

– Ты вернешься обратно, ко мне, в мой дом и в мою жизнь. Мы сделаем вид, что ничего не было, и я осыплю тебя подарками, верну все деньги на твою карту и...ты больше не будешь вещью...только с одним условием...

И целует ее, как иссохший от жажды, как ослепший безумец.

– Условием?

– Да. Ты избавишься от ребенка, который каким-то идиотским образом появился в твоём животе вопреки всем моим запретам и предупреждениям, и мы продолжим дальше.

И она как омертвела, как будто вся жизнь разом ушла из нее, и все хрупкое тело наполнилось ненавистью. Он ощутил эту ненависть на физическом уровне и сам начал мертветь.

– Я не хочу к тебе обратно, и я никогда не избавлюсь от этого ребенка. Никогда, слышишь? Это мой ребенок. МОЙ. Понятно? Ты не имеешь к нему никакого отношения! Твои дети у тебя с твоей женой...а со мной, с никем у тебя никого нет!

Схватил ее за плечи и придавил к дереву изо всех сил. Чтобы заткнулась. Чтобы не дошли до точки невозврата. И этот страх в ее глазах доводит его до дрожи, до исступления. Даже ненависть не так страшна, как страх.

– Ты сделаешь аборт, и все будет по-прежнему, Марина! Я не буду припоминать тебе твои слова...хочешь быть кем-то – избавимся от недоразумения и пойдем дальше!

– НЕТ! Никогда и ничего не будет по-прежнему! Я проклинаю тот день, когда пришла к тебе, проклинаю свое предложение, проклинаю твои деньги и тебя проклинаю. Я ненавижу тебя так сильно, что порой, мне кажется, я дышу этой ненавистью. И это ты...слышишь, это ты недоразумение в моей жизни! Это от тебя я мечтаю избавиться! Оставь меня в покое! Оставь!

Это были удары ножа прямо в лицо, в сердце, в живот. Она стояла и кромсала его, она наносила ему рану за раной, и он чувствовал, как стоит и истекает кровью.

– Ты не представляешь, до какой степени я тебя ненавижу, как ты мне противен, как я боюсь твоих рук, как я не хочу ни с начала, ни с конца с тобой, и лишь мечтаю, чтобы больше никогда тебя не видеть...

– Думаешь, скажешь мне все это, и я просто так дам тебе уйти? М? Ты, правда, думаешь, что все будет так легко? Свободу нужно заслужить, Марина.

Погладил ее по голове...уже зная, что сделает. Уже понимая, что должен понять. Сегодня. Сейчас. Понять, сможет ли она...понять, насколько между ними все черное и страшное.

– А что ты сделаешь? Застрелишь меня в этот раз? Задушишь? Забьешь?

– Нет, зачем? Это слишком скучно и предсказуемо. Мы это уже проходили.

А потом бесконечно долго падать на колени и смотреть ей в глаза, чувствуя, как торчит под ребром лезвие ножа, и как внутри все корчится и горит от понимания – она его не любит и никогда не полюбит. А он...он не в силах убить ее и того, ради кого она его убивала. Ее ребенка. Его ребенка. Их ребенка. Она выбрала, и Петр выбрал. Выбрал их. Выбрал для них жизнь и свободу, и смерть и вечное заточение для себя.

Он крался, как вор. Как хищный зверь, который старается, чтобы его не заметили и не схватили.

– *Рискуешь...на хрена туда едешь? Еще и без охраны? Без сопровождения!*

– *Надо мне. Дай своих лучших людей. Мне на пару часов.*

– *Потом приедешь опять черный как смерть.*

Райский раздражал своим вечным надзором, своей гребаной заботой. Сейчас ему нужно было одиночество. Нужно было остаться одному наедине со своей тоской, со своими ранами, как внутри, так и снаружи. Вся спина изрыта шрамами от пряжки, а под ребром тоненькая белая полоска...он часто трогает ее пальцами. Чтобы напомнить себе – там никто его не ждет. Там ему желают смерти. Там его адски и смертельно ненавидят.

А ему надо. До дрожи, до ломоты в костях надо к ней. Просто издалека, как животное нюхать ее аромат, прислушиваться к шагам, всматриваться в силуэт.

Прокрался через деревья к тропинке. Еще пару шагов сделает, и она его заметит. Стоит там у воды, и ветер треплет ее длинные волосы, завязанные в скромный хвост на затылке. Ему видно ее профиль, видно пса рядом с ней, видно, как ее пальцы гладят его голову, а второй рукой она бросает уткам кусочки хлеба. А у Петра сердце сжимается и захватывает дух настолько сильно, что кажется, сейчас разорвет грудную клетку. И он завидует этому псу. Он бы мог сдохнуть за то, чтобы ее рука вот так же нежно гладила его волосы. Хотя бы раз. Один гребаный, проклятый раз дотронулась до него без ненависти и презрения. Любя.

Смотрит на нее, и сердце то бешено стучит, то замирает, и он еще никогда в жизни не видел ее такой красивой, как сейчас... с этим животиком. Его так хорошо заметно, и она, когда гладит его, невольно улыбается, и у Петра пальцы сжимаются в кулак, и ноют костяшки, ломит фаланги. Он хочет точно так же трогать ее живот. Хочет ощутить внутри толчки их ребенка, хочет прислониться ухом и чувствовать эти пинания, слышать их. Ничего подобного он не испытывал с Людмилой. Никогда. Ни с одним из своих детей. Он воспринимал ее беременность отчужденно, без лишних восторгов, без желания приблизиться к таинству. Но дочерей любил... очень. Потом. Лет с двух-трех. До этого скорее подчинялся инстинктам, и потому что «так надо» вести себя отцу.

А здесь увидел эту округлость, и внутри все перевернулось, расперло какой-то адской гордостью. Внутри нее его дитя. Пусть она его ненавидит... но там, в ее чреве проросла его дикая любовь и крепнет с каждым днем, чтобы увидеть жизнь и воплотить это безумие в человека. Когда отправил ее на аборт... скорее, больше слышал Райского, его убеждения, его панический ужас об угрозе карьере. Не понимал... а потом не смог и отпустил. Не смог заставить избавиться. Должен был. Обязан...

– Глупость это... оставить ей ребенка. Однажды этот ребенок перевернет тебе жизнь и снесет тебя с трона. И меня. Я слишком много трудился, чтобы ты оставался у тех высот, где ты сейчас. Ей можно устроить выкидыш. У меня есть связи в местной больнице. Вычистят аккуратно и без последствий. Могут даже стерилизовать под шумок и... потом вернешь ее обратно.

– Я сказал – ребенок родится, и точка! Она не станет разглашать! Она далека от этого! Свою Ирму стерилизуй. И дочек заодно!

– Все они далеки от этого. А потом, когда захочется денег, сожрет тебя и глазом не моргнет.

Вспомнил, как послал к ней Гройсмана и приказал дать денег на первое время... иначе знал – от него бы не взяла.

– У нас не Америка, а Марина – не Моника.

– И Людмила – не Хилари! Тоже молчать и глотать не станет... особенно после того, что твоя... девка сделала с ней и вашим сыном!

Обернулся к Райскому и резко схватил его за горло.

– Я уже говорил тебе, что ты слишком много разговариваешь и позволяешь себе. И не такие светлые головы слетали с плеч при других вождях, и не таких ставили к стенке. А с Людой будет развод! Все! Нас ничего больше не держит вместе! Трахать я ее больше не буду! У меня на нее не стоит, не лежит и не колышется!

– Это! Скандал!

– Срать! Я человек! Имею право на разводы, браки, болезни и смерти! Пойдешь к Милке и узнаешь, какие отступные она хочет! Развод состоится в любом случае... и скажи ей, если не согласится, пусть вспомнит участь Екатерины Арагонской. Я ей обеспечу местечко в психушке... если не в подвале. Вместо монастыря... так сказать.

– Она... жена твоя. Перед людьми, перед Богом...

– Я с ней не венчан... так что просто писулька и штамп. Легко поправимо.

И отпустил горло Райского, поставив его на ноги и демонстративно поправляя его пиджак.

– Давай. Займись делом. Покажи свою преданность и незаменимость... не вынуждай поискать более притких и услужливых.

– Но не таких верных!

– У каждой верности есть своя цена. За твою я плачу более, чем достаточно... Как там твоя старшая Светочка? Вышла замуж за сына посла? М? Как дом, понравился? А машина?

Где они сейчас живут... ах да, уехали в медовый месяц на Мальдивы... Напомни мне, какая у тебя зарплата официально?

– Я все улажу с Людмилой.

– И больше никогда не тронешь Марину! Если она поскользнется, упадет, у нее будет царапина, прыщ или просто плохой день – я с тебя лично три шкуры спущу!

И как сражалась она за малыша, как защищала. Людка из больницы, после того, как мертвый родился, и слезинки не проронила, укатила на курорт в Софию. А там с подружками по магазинам, по барам. Вечеринки устраивала. Как будто праздновала. А он...он из-за нее и малыша чуть Марину не убил. После родов труп отдали не сразу. Хоронил его Петр сам. Людмилы не было в стране. Посмотреть не решился...слишком больно и страшно. Нет, он не боялся мертвецов, не боялся никогда...но видеть мертвого старика или взрослого человека это естественно... а вот младенца – жутко. В заключении о смерти было написано, что плод умер от сильного удара в голову. И он сам чуть не сдох от боли и жалости...вот почему поехал к ней...вот почему выплеснул всю свою боль на нее.

А потом Люда выписалась из больницы и...уехала отдыхать.

Как же сильно они отличались с Мариной. Как будто пластмассовая жена, правильная, неестественная, и такая живая, настоящая, горячая Марина. Да...часто дура, часто неадекватная, сумасшедшая...но такая настоящая. Смотрит на нее издалека, и тоска его жрет отчаянная, дикая. И это понимание, что все. Конец. Что между ними апокалипсис, между ними триллионы световых лет пропасти.

Беременность ей к лицу. Она немного округлилась, черты лица стали нежнее, мягче, женственней. Прикрыл глаза и прикусил щеку изнутри до крови, чтобы не заорать ее имя. И перед глазами замелькали картинки, как хлестал ее ремнем, как вдирался в ее тело и полосовал его...и себя вместе с ней. Едва слышно застонал и выдохнул. Наверное, больше не нужно приезжать. Не нужно травить себе душу, не нужно продолжать сходить по ней с ума.

Наверное, где-то внутри ему хотелось, чтобы она страдала, как и он... а вместо этого он увидел ее совсем другой. Увидел свободной, одухотворенной и...даже счастливой, и от этого стало больно еще сильнее. Потому что все это не для него – и ее нежность, и ее улыбки, и ее красота.

Наверное, он подошел слишком близко...и его заметили. Пришлось быстро уходить, петлять вокруг деревьев и сходить с ума от понимания, что она бежит следом, от надежды, что... что подумала в этот момент о нем. Если выйти из-за кустов...если броситься к ней и...И ничего. Все. Между ними давно все. Заскочил в машину...отъехал на безопасное расстояние, смотрит издалека, чуть прищурившись и сжимая руки в кулаки, и, кажется, будто кожа сейчас слезет от внутренней борьбы и напряжения, от невозможной жажды прикоснуться к ней и прижать ладони к ее животу. Видит, как к ней подскочил мужик, как они говорят о чем-то...Потом она споткнулась и упала, и Петр чуть не выскочил из машины, но мужик помог ей подняться. Чертов ублюдок...касается ее рук, касается и стоит рядом. И она не возражает. Улыбается. Явно флиртует. Глаза налились кровью, и стало трудно дышать. Он какое-то время сидел и смотрел на них обоих. Бледный и покрытый холодным потом от бешеной ревности.

– Чтобы сегодня же занялись дорогами. Так, чтоб ровные были, как зеркало, и узнай мне, кто этот урод и что он делает рядом с ней! Все! Поехали!

Глава 4

Оказывается, любовь – это могила, в которой живьем гниет обезумевший от нее идиот в полном одиночестве и понимании всей тщетности попыток выбраться из нее наружу.

(с) Отшельник. Ульяна Соболева

Миша ухаживал за мной. Красиво, осторожно и очень ненавязчиво. Наверное, будь это по-другому, я бы отдалилась от него, прекратила общение. Мне не нужны были отношения, не просто не нужны, а отвратительны. Когда безумно любишь кого-то, невозможно найти замену,

даже отвратительна одна мысль об этом, и не потому, что хранила бы верность Петру. Нет. Это последнее, чего он заслуживает. А потому что есть женщины, созданные всего лишь для одних рук, для одних губ и для одного мужчины... пусть и не подходящего, пусть недостойного и даже ненавистного, но только он на каком-то молекулярном уровне становится единственным.

И сама мысль о чужих прикосновениях для меня подобна ощущению – как будто по мне проползет мерзкое насекомое.

Но как друг, как собеседник мне нравился Миша. Мне нравилось играть с ним и Ларисой Николаевной в карты, нравилось спорить о политике, обсуждать исторические события. Миша был очень начитанным, ему, правда, не хватило денег учиться дальше и даже получить ученую степень, но он точно мог бы. Я в этом не сомневалась.

– Не смотришь даже на Мишку. Так иногда. Вскользь. А если и смотришь, то, как на подружку... а Мишка в тебя влюбился, деточка. По самые уши. Он даже на Ксюшку мою так не смотрел. Они тогда юные были, зеленые. Все бурлит. Страсти-мордасти. А сейчас явно все зрелое у него к тебе.

Будь это кто другой, я бы заревновала... что дочку мою уже забыл. А к тебе не могу... как будто свет в моей душе появился вместе с тобой, и горе не так давит. Видать, Ксюша моя послала тебя мне для исцеления, и тебя, и малыша нашего. Мишка ж мне как сын... у него родители рано умерли. Ему еще и двадцати не было. Хороший он....

– Знаю, что хороший, Лариса Николаевна, знаю. Но ведь сердцу не прикажешь...

– Да... Ах, если б можно было, чтоб сердце самовольно разлюбilo... или полюбило. Как там пелось в этом фильме. Собака на сене. С Боярским. – тяжело вздохнула и налила мне чай в чашку, подвинула тарелку с оладьями, – Но не всегда нужно по любви. Раньше как браки заключались. Бывало, жених и невеста не видят друг друга до самой свадьбы. И самые крепкие союзы были. Главное – взаимопонимание, дружба, уважение... а еще главное, чтобы тебя любили больше, чем ты любишь. Уж поверь, я знаю, что говорю. Мой Валерка тот еще кровопийца был. Все нервы вытягивал. А я страдала, измены прощала, запои. Любила. Дура.... А надо было за Сашку идти. Из семьи хорошей, юрист, в город предлагал увезти... Ну я вот слесаря Валеру любила. С милым же рай и в шалаше. Так и жила в дырявом шалаше до самой его смерти. Он и умер не дома... у какой-то собутыльницы. Мне потом стыдно было сотрудникам в глаза смотреть. Городок у нас маленький. Все и всё про всех знают. Оно горе какое, плюс стыд вселенский. Ладно. Не буду тебе о грустном. Надо о хорошем думать.

Вспомнила как Петр приревновал к Гебу и... меня передернуло. Воспоминания забились в висках....

«Он шел на меня, схватил за лицо и изо всех сил втолкнул в комнату, и захлопнул дверь. Всклипывая, мгновенно протрезвев, я бросилась к шкафу, чтобы найти хотя бы одну вещь, но не нашла ничего кроме банного халата. Завернулась в него и стояла дрожа посреди комнаты. Внезапно в колонках включилась музыка. Какая-то ужасающе спокойная, но оглушительно громко, так, что уши заложило. Тяжело дыша, я смотрела перед собой, и подо мной шатался пол, крутились стены и потолок. Мне стало страшно. Невыносимо страшно. Затем музыка выключилась так же внезапно, как и включилась.

Через какое-то время дверь открылась. Айсберг зашел в комнату, запер спальню на ключ, молча разделся и рухнул на постель. Я долго не решалась на него посмотреть, а когда посмотрела – поняла, что он крепко спит.

Всю ночь я не могла уснуть. Ходила по комнате, несколько раз зашла в душ и стала под прохладную воду. Потом легла рядом с ним, но сон не шел ко мне. Я смотрела в темноту и думала о том, что это все должно прекратиться. Так не может быть. Так неправильно. Я так больше не хочу. Не хочу быть подстилкой, дыркой, одной из... не хочу, чтоб со мной

вот так. Может, это и поздно, может, нужно было думать раньше, но я не предполагала, на что иду, не предполагала, что не выдержу этого.

И нет...не хуже спать с нелюбимым за деньги. Гораздо хуже спать за них с любимым...когда он ничего к тебе не испытывает, кроме желания использовать и ткнуть подарком.

Утро началось с дикого крика. Я подбежала к окну и...застыла. Поднесла руку ко рту, задыхаясь...в воде плавал Глеб. Точнее, я видела его спину, раскинутые в стороны руки, он бился головой о борт, немного отплывал назад и снова бился. Орала Виолетта. Истошно орала. Пыталась вытащить сына. К ней подбежали охранники и под руки куда-то утащили. Я хотела отшатнуться, но меня схватили сзади за затылок и ткнули лицом в стекло.

– Красиво плавает, правда? Весь в твоих тюльпанах!

– Отпустите...я хочу уйти... я не хочу смотреть, я...

– Будешь смотреть! – вдавил мое лицо в стекло, задрал халат и резким движением вошел в меня, – Нравится? Нравится, я спрашиваю?

– Нееет, – с рыданием, закрывая глаза, чувствуя, как он толкается внутри. Это какое-то сумасшествие, какой-то жуткий бред. Это кошмар. Мне снится кошмар.

– Это ты сделала. – шепотом мне на ухо. – Ты его убила! Ты!

– Нееет!

– Тыыыы! Потому что ты моя шлюха! МОЯ!

Резко дернулся, и по ногам потекло его семя. Толкнул грубо в сторону и задернул шторы, другой рукой поправляя штаны. Меня колотило от истерики. Я всхлипывала, дрожала и задыхалась. Я не верила, что это происходит на самом деле. Не верила, что он такое жуткое чудовище. И на самом деле это все правда... Глеб мертв. Только потому, что я с ним флиртовала, только потому что...Господи! Да что же это такое? Что со мной не так?

– Когда я сказал, что ты моя шлюха, я выразился буквально. Никто не может тронуть мое... И он об этом знал. Он сделал свой выбор сознательно.

– Нееет, – я все еще качала головой, держась одной рукой за стену, а другой за горло. В ушах опять звучала музыка...вот почему ее включили. Чтоб я не слышала, как застрелили Глеба. – Зачем...он же ничего...он же меня не трогал, он...Божеее мой, неееет...

– Да!

– Я не...не хочу...не хочу больше...Не хочу быть вашей. Ничего не хочу... я хочу уйти. Пожалуйста...можно я уйду?

Сквозь слезы, сквозь рыдания, глядя на совершенно холодное и равнодушное лицо и понимая, насколько это обидно для него. Насколько легко он отнял жизнь и...наслаждался своей властью.

– Поздно не хотеть больше. Уйдешь вперед ногами, как твой несостоявшийся любовник». Нееет, больше это не повторится. Нееет.

– Я просто...просто не хочу ни с кем. Ни с тем, ни с этим...Ни с кем. Сама хочу. И Миша...он, и правда, хороший, и достойный любви, а не вот так, чтоб с ним из жалости или потому что...хороший. Ну вы понимаете.

– Да, конечно, понимаю. Саша тот тоже хорошим был. Я ему так и говорила. Ты, Сашенька, слишком хороший для меня. Но ты все же шанс ему дай. Подумай над нашим разговором. Взвесь все. Миша отличным отцом будет...Мужчины, если женщину любят, и чужого ребенка возьмут... а если нет, то и свой не мил станет. А внукеку папа нужен, фамилия, забота и защита мужская.

– Мой отчим тоже маму мою любил. До поры до времени. А меня не принял. Ненавидел с самого рождения...

– Значит не любил. Когда любишь кого-то, любишь и все, что к человеку относится. Даже вещи его любишь, даже то место, где он работает, ужинает, живет.

– Может, и так... только я не хочу, чтоб у моего сына отчим был. Я сама справлюсь.

– Чей-то сама? А я? Я еще ого-го. Ко мне вон проректор клинья подбивает. Аркадий Григорьевич. Так что не сама, а со мной. Вместе справимся. Ты меня радости такой не лишай. Я в этот раз внука дожусь и нянчить буду.

Я засмеялась и руку ее морщинистую, но очень ухоженную с аккуратными розовыми ногтями, своей рукой накрыла.

– Спасибо вам... мне вас мамочка послала. Я точно знаю. Я молилась ей и Господу, чтоб обо мне и о малыше позаботились. Не знаю, чтоб я без вас делала... вы особенный человек. Таких не бывает.

– Значит нас друг другу послали. Ни одна встреча в этой жизни не бывает случайной. О! Смотри, нашего президента показывают! День Рождения у него сегодня! Юбилей! Сорок пять стукнуло! Скорпионище! Но только такие и могут быть жесткими! – и на телевизор кивнула, – Глянь какой. Ему б не страной руководить, а в кино сниматься. Вот это мужчина. Красавец. И политик хороший... у нас до него такой бардак творился, а он государство в кулак собрал. Железный мужик, айсберг. Все решения четкие, быстрые. Запад на место поставил. И страну из дерьма тянет... я на следующих выборах за него голосовать буду. Да и все наши тоже за него пойдут. С прошлого года и оклады поднял, и стипендии студентам бюджетникам. Жестокий, правда... говорят, собирается вернуть снова смертную казнь, амнистий при нем и не было совсем. И правильно. Маньяков и педофилов казнить надо, а не кормить на деньги налогоплательщиков.

Пока она говорила, я смотрела на экран телевизора и чувствовала, как быстро и жалобно колотится мое сердце. Какой он там... чужой и далекий. На своем царском пьедестале. Человек, искалечивший мою жизнь, мое тело и мою душу. Отец моего ребенка... Президент. Празднует свой юбилей... А она тоже с ним? Тоже празднует? После юбилея... он с ней? Сегодня же пятница! С ней... из-за которой меня убивал. Ради нее.

И это давящее тоскливое ощущение, что никогда больше с ним, никогда прикосновения его пальцев, никогда касания его губ... даже голос, шепчущий страстно «Маринааа», тоже никогда. Только боль мне оставил. Только страдания. Только полное опустошение и тоску. И воспоминания о том, каким мусором я была в его жизни.

– Мариш... ты чего? Чего бледная такая стала?

Обернулся, посмотрел прямо в камеру, и глаза его синие взяли крупным планом... а у меня горло свело и рыдание в груди застряло. Как же я его люблю проклятого ублюдка. И в эту же секунду что-то как будто хлопнуло, и по ногам вода потекла. Теплая-теплая, превращаясь в лужицу под ногами.

– Ох...

Взялась за живот.

– Что?

– Воды отошли.

– Ну и хорошо... время уже. Пора рождаться. Притом с президентом в один день. Может, вырастет и сам станет главой государства.

– А... а Ипполитовна на больничном и... я еще в роддоме не договорилась, а там... там карантин объявили на прошлой неделе.

– Тихо... ты сядь. Сейчас скорую вызовем, и отвезут куда надо. Не дома ж рожать будешь...

– Так карантин... страшно.

– Не волнуйся. Я сейчас Ипполитовне позвоню. Подожди.

Она, спеша, к обычному стационарному телефону подошла, открыла записную книжку, быстро пролистала и набрала номер.

– А...мне бы Ипполитовну... Что? Как? Когда? Вчера? Я... я поняла. Примите мои соболезнования.

Обернулась ко мне.

– Она умерла вчера...инсульт.

Я выдохнула и оперлась на стул.

– И что...что теперь делать?

– В скорую звонить. Пусть думают, куда тебя везти.

Она снова к телефону подошла. Набрала номер скорой.

– Ждите...сейчас много вызовов. Она рожает?

– Нет. Воды отошли...

– Ну значит время есть. Начнутся схватки, вызывайте такси и приезжайте в роддом. Сразу в патологию. Из-за карантина сейчас всех туда...

Она трубку положила.

– Говорят, вызывать такси.

В этот момент я ощутила тянущую, разрывную боль внизу живота и схватилась за него обеими руками. Охнула...боль через какое-то время прекратилась, и я с облегчением выдохнула и взглянула на часы.

– Все...все. Вызываю. – на меня сморит и снова набирает номер, – Мне машину на Цветочную, двадцать семь. Как нет машин? Через сколько? Так. Все. Я звоню Мише, он тебя ответит.

Но у Миши машина оказалась в ремонте. Сказал, что поймает попутку и приедет к нам. Но он сейчас на вызове и находится за городом.

Пошатываясь, подошла к окну, придерживая ладонью живот и чувствуя, как сильно пинается малыш после схватки. Маленький мой. Солнышко...почему сегодня? Почему именно в этот день?

На дороге недалеко от дома увидела машину с «шашками» такси. Не может быть! Неужели мне настолько повезло?

– Там...там у поворота такси. Можно спросить...может, он свободен.

– Че-то часто там стоит. Может, живет где-то поблизости. Сейчас сбегая, спрошу. Ты сиди и не нервничай, не расстраивай мне Лешеньку. Он и так боится там маленький. Сжимаешь его со всех сторон.

Да, мы уже придумали ему имя, и я ласково разговаривала с животиком, называя своего малыша по имени. Мы его вместе с Ларисой Николаевной выбирали. А вообще...мне просто очень нравилось, как звучит Алексей Петрович. Как царевич...Хотя мой сын никогда не будет носить отчество своего настоящего отца. Он никогда не узнает, кто его отец, и никогда не увидит его. И не только потому, что я бы этого не хотела... а и потому, что его отец этого никогда не захочет, потому что единственное, о чем он мечтал – это убить моего сына, чтобы он не родился.

Пока Ларисы Николаевны не было, я присела на краешек стула и с новой волной боли с тревогой посмотрела на часы. Что-то очень быстро все происходит, и пяти минут не прошло...Я читала, что вначале интервал между схватками бывает подольше. Но у меня, кажется, все стремительно. Лариса Николаевна вернулась в квартиру, слегка запыхавшись.

– Отвезет, куда скажем. Где сумка твоя? Ты же все приготовила...

– Да. Все приготовила.

– Ну и с Богом. Поехали.

И перекрестила меня и живот, помогая выйти за дверь и отгоняя назойливого Геру.

– Брысь. Мы рожать. Вернемся, принесем тебе нового хозяина. Марш в будку. И не лаять, и не выть! Узнаю, что выл – кость не получишь!

Схватки усиливались, и я старалась расслабиться, как учили в умных роликах в интернете. Не получалось, так как живот, казалось, разрывает изнутри, и сделать с этим ничего нельзя. Я сжимаю кулаки и грызу губы. Тетя Лара с тревогой смотрит то на меня, то на дорогу. Интервал между схватками уменьшается все быстрее, и мне кажется, что они нескончаемо долгие. Такой боли я еще никогда в своей жизни не испытывала...к такому нельзя быть готовой.

– Дыши. Говорят, надо дышать, думать о чем-то хорошем... Ооох, нервы мне одни. Ты пока родишь, я поседею.

– Схватки...очень частые. Мне страшно.

– Черт! – таксист ударил по рулю обеими руками. – Авария впереди, все дороги перекрыты! Черт его знает, что случилось! Только этого не хватало!

– Что значит, перекрыты?

– Ну вот так – перекрыты. К роддому не доехать...могу в частную отвезти. Здесь недалеко.

– У нас нет таких денег. Вези в роддом.

Огрызнулась Лариса Николаевна. Она, если надо, на кого угодно надавит. У нее характер железный.

– Простоим черт знает сколько под мостом.

– Ты как?

Посмотрела на меня и погладила по голове, убирая волосы с лица. Чувствую, как пот над губой выступает, как все тело начинает дрожать от напряжения при очередной схватке, как каменеет живот.

– Пока терпимо...только боюсь, что слишком часто...

– Ну давай под мост. Может, не так все долго будет. Проскочим.

– У меня в частной друг работает. Не возьмет с вас ничего. Простоим еще – в машине мне родит. Вижу ж, как корчится. А я роды принимать не умею...помрет мне тут еще.

– Я тебе сейчас помру! Язык прикуси! Все хорошо у нее будет! Что за частная?

– Клиника «Лориэн» в Новоселовском переулке.

– Впервые слышу.

Лариса Николаевна пожала плечами.

– Это в здании администрации. Новая клиника. Только открылась. Там есть родильная палата.

Схватка была ужасно сильной, и я выгнулась, зажимая руками живот и закатывая глаза.

– О боже...ладно, вези туда. Но если что, учти – платить мы там миллионы не будем.

– Я сейчас...сейчас другу позвоню и все устрою.

– Спасибо вам, – прошептала и на Ларису Николаевну посмотрела.

– Че-то не верю я в благотворительность. Тоже мне, бесплатно в платную клинику рожать. Потом как выставят счет, мы с тобой прозреем. И клиники я такой не знаю. Постоянно там езжу. Впервые слышу.

– А я верю....я же вас встретила точно так же. В жизни разные люди бывают...и хорошие тоже.

– Угу. Только хороших раз и обчелся. Не люблю я хороших. Там всегда где-то собака порылась.

Посмотрела на таксиста, а тот достал сотовый из кармана и кого-то набрал.

– Артур Евгеньевич, везу роженицу, как и...насчет оплаты потом со мной решим. Да. Хотели в роддом, а там перекрыто, – он как спохватился, – вот к вам повезу. А то родит мне в машине сейчас. Вы когда на месте будете? Выезжаете? Отлично!

Мы с Ларисой Николаевной переглянулись. Все звучало очень странно. Как будто это обычное дело, когда какой-то таксист везет в платную клинику роженицу. Но через несколько

минут мне стало совершенно все равно... боль ослепила настолько, что я вскрикнула и схватила тетю Лару за руку.

Следующие несколько часов я помню, как в тумане. Точнее, я их почти не помню. За мной вышли санитары, положили на каталку. Они завезли меня в здание, с другой стороны, везли по каким-то коридорам. Схватки были настолько сильными и раздражающими, что мне казалось, я умираю. Перед глазами белый потолок, лицо врача с седой бородкой, акушерки. И все крутится, вертится.

– Ей бы эпидуральную анестезию.

– Поздно, она в родах почти, не успеет подействовать. Нет смысла.

К животу цепляют датчики, делают тут же УЗИ.

– У нас плод перевернулся ногами. Сердцебиение зашкаливает. В операционную!

– Может, перевернуть?

– Нет! Здесь все должно быть максимально аккуратно – и младенцу не навредить, и матери. Не то с нас шкуру спустят живьем!

Я их слышу в тумане, измучанная схватками, потная, охрипшая от стонов. Я не понимаю, что все это значит, и не хочу понимать. Я просто хочу, чтобы это закончилось побыстрее.

– Милочка, вы меня слышите? Посмотрите на меня!

Похлопал по щекам и повернул к себе. У него доброе остроносое лицо, большие карие глаза и острая белая бородка. Мне почему-то кажется, что я его где-то видела. Раньше. Но где?

– Вы понимаете, о чем мы говорим? У вас начались потуги, а малыш идет вперед ногами, есть обвитие. Чтоб не рисковать, будет кесарево.

Я кивнула, глотая слезы и стараясь терпеть боль.

– Как ребенок?

– Будет хорошо. У вас с ним все будет хорошо... хулиган ваш малыш. Своенравный. В последнюю секунду перевернулся. Наверное, весь в папу!

– Да... точно в папу, – слабо улыбнулась я.

– Вот и хорошо, а сейчас мы наденем на вас маску и будем считать до десяти....

А потом я погрузилась в черноту.

Глава 5

Я не волшебник! – Вы им станете! И волшебником, и Гарри Поттером, и Санта Клаусом. Всеми вместе взятыми. Если не хотите стать бомжом Васей без определенного места жительства и документов.

(с) Отшельник. Ульяна Соболева

Ему пришла смс. На тот самый номер, который всегда молчал. Номер, который знал лишь один человек. Тот, кто вел пристальную слежку двадцать четыре часа в сутки. Тот, кто являлся по сути тенью Марины. Единственный, кому Петр смог это доверить... Когда-то они вместе служили, когда-то помогали друг другу. И нет... этот человек не стал политиком или олигархом вовсе не потому, что не мог, а потому что был верен Петру и имел несоизмеримо больше. Для Райского Марину вели совсем другие люди.

– Ты реально сейчас все бросишь и поедешь туда? Реально? Банкет, гостей? Ты в своем уме, Петя? За тобой следит каждая собака. Скоро выборы, еще не забыт скандал с твоей Мариной. Скандал, который я еле замял! Ты вообще не представляешь, что творишь. Ты совершенно потерял контроль с этой девкой! Она далеко, а такое впечатление, что она еще ближе, чем была!

Райский нервно дергал галстук и поправлял воротник белоснежной накрахмаленной рубашки. Его жена бдела за этим, и иногда Петра до тошноты раздражала эта немка с толстой задницей, широкими скулами и вечно брезгливым ртом. Она всегда собирала невидимые пылинки с рукавов своего мужа и стелила ему на колени салфеточку. Серая кардиналица, которая знала достаточно много, следила за всем и наверняка была в курсе всего, что происходит в

семье президента. Райский ей изменял с худосочными нимфетками и всегда трясся, что Ирма узнает о его похождениях.

«— Не можешь срать, не мучай жопу. Боишься – дрочи в туалете...

— Ирма – хорошая жена...

— Ирма прекрасно устроилась и держит тебя за яйца».

— Ты уезжаешь с банкета? Сейчас?

— Нет, бл*дь, я пошутил! Отвлеки папарацци, пусть разъедутся сразу три машины. Уводи их. Я вылетаю немедленно. Гостям скажешь – срочные дела. Я в конце концов не просто директор магазина. Пусть веселятся. Скоро откроется аукцион, и им станет не до меня.

— Она и без тебя родит!

Кулаком по стене так, что Райский подпрыгнул, как мяч, от неожиданности. Его чуб дернулся и упал на потный лоб.

— А я хочу, чтоб со мной! Понял? Со мной хочу! Контролировать! Понимать, что именно там происходит! И если твой, как его там? Артур! Что-то не то делает, я его в бараний рог скручу вместе с вашим гребаным госпиталем! Хваленным лучшим госпиталем!

— Отгроханным для твоей... знаешь ли. В кратчайшие сроки! С операционной, и оборудованием, и самым лучшим врачом из Германии, который месяц сидел и ждал родов! Месяц! Бросил своих пациентов!

— Ему за это заплатили столько, что на три жизни хватит! А надо будет – из Африки врача привезешь! Или из Эквадора! Ты сказал, он самый лучший, и не дай Бог ты ошибся!

— Самый, да! С того света умеет за уши выдергивать. А ты мог бы там не светиться, все сообщим, покажем. Там и камеры, и наблюдение, и охрана. Зачем тебе туда?

— Заказывай самолет. Вопросы задавать я не разрешал.

— Если кто-то узнает, это будет скандал!

Но Петр его уже не слышал, он шел по узкому длинному коридору резиденции в сторону пятого запасного хода. Засекреченного настолько, что о нем знали всего два человека из личной охраны. Каждый день смена кода на двери, сканирование сетчатки глаза. Никто не может выйти и войти через этот ход кроме самого президента и его семьи.

С центрального резиденцию покинет его двойник. Еще две машины уведут слежку и журналистов. Никто не будет знать, в какой из них он. Так было задумано еще во времена коммунизма самим начальником охраны Сталина генералом Власиком, и с тех пор подобная конспирация лишь совершенствовалась. Петр придерживался людей старой закалки, его окружали умудренные опытом старые нквдшники и бывшие особисты. Та, другая система, всегда работала безотказно, и он не видел смысла менять на какие-то новшества.

Он ждал этот день. Ждал до адской кровопульсации в висках, до тягучего адреналина, стреляющего в венах. Ждал и боялся. Как будто что-то могло пойти не так. Она ведь такая маленькая, такая хрупкая. А там внутри нее огромный мальчишка весом под пять килограммов. Если он ее убьет? Разорвет? Как она родит такого огромного ребенка?

Да, Петр все знал. У него были и снимки с УЗИ, и ее анализы, и документы по скринингам. У него даже была запись сердцебиения. Крошечного сердцебиения его сына, и от одной мысли, что это все происходит внутри ее тела, у него тряслись руки. Марина ходила в обычную поликлинику, а там ее принимали лучшие узисты области. Специально переведенные в это захолустье на тройную ставку ради нее. Конечно, она об этом не знала. Она не знала, насколько пристально он находится в ее жизни, насколько ревностно, невыносимо следит за каждым ее вздохом. Как маньяк. Как самый настоящий повернутый псих. Он даже знал теперь, как развивается беременность по дням, знал, как происходит процесс родов. Он хотел это все знать.... никогда раньше ему бы и в голову не пришло, а сейчас это было необходимостью. Как будто это давало право приблизиться, давало иллюзию его участия. Он же привык участвовать! Привык всегда контролировать. А ведь он так не хотел, чтобы этот ребенок появился...

И этот момент преследовал его и сводил с ума. Прокручивался в голове снова и снова. До сумасшествия.

«– Условием?»

– Да. Ты избавишься от ребенка, который каким-то идиотским образом появился в твоём животе вопреки всем моим запретам и предупреждениям, и мы продолжим дальше.

Когда он сказал это внутри меня все ...потухло и наступила вечная мерзлота. Меня окатило этим холодом, меня мгновенно заморозило. Если за секунду до этого где-то в сердце кольнуло, где-то очень глубоко что-то начало оживать...то теперь окончательно омертвело. Я отшатнулась назад, глядя на него сумасшедшим, отчаянным взглядом.

– Я не хочу к тебе обратно, и я никогда не избавлюсь от этого ребенка. Никогда, слышишь? Это мой ребенок. МОЙ. Понятно? Ты не имеешь к нему никакого отношения! Твои дети у тебя с твоей женой...а со мной, с некем у тебя никого нет!

Схватил меня за плечи и придавил к дереву. Заставляя тут же пожалеть о сказанном и снова испугаться до полубоморочного состояния.

– Ты сделаешь аборт и все будет по-прежнему, Марина! Я не буду припоминать тебе твои слова...хочешь быть кем-то избавимся от недоразумения и пойдем дальше!

– НЕТ! Никогда и ничего не будет по-прежнему! Я проклинаю тот день когда пришла к тебе, проклинаю свое предложение, проклинаю твои деньги и тебя проклинаю. Я ненавижу тебя так сильно, что порой, мне кажется, я дышу этой ненавистью. И это ты...слышишь это ты недоразумение в моей жизни! Это от тебя я мечтаю избавиться! Оставь меня в покое! Оставь!

С каждым моим словом он бледнел все сильнее и сильнее и его дыхание становилось отрывистым и шумным. Если бы я не знала, насколько он равнодушен и холоден то могла бы подумать, что мои слова могут причинить ему боль. Но скорее с летнего неба сорвется снег, чем он испытает боль и сожаления. Его просто корезит от того, что я смею так говорить.

– Ты не представляешь до какой степени я тебя ненавижу, как ты мне противен, как я боюсь твоих рук, как я не хочу ни сначала ни с конца с тобой и лишь мечтаю, чтобы больше никогда тебя не видеть...

– Думаешь скажешь мне все это, и я просто так дам тебе уйти? М? Ты правда думаешь, что все будет так легко? Свободу нужно заслужить, Марина».

Петр привык считать ее своей и не мог себя переломать, не мог отказаться. С Людмилой все было конечно. Разговор еще не состоялся, но Петр уже был к нему готов, перекрыв для нее все пути и лазейки с возможностями помешать ему развестись. Но Людмила затаилась и изображала безмерное горе после возвращения из-за границы. Она объявила голодовку, рыдала в постели и принимала у себя психологов и неврологов с остеопатами. На банкет она пришла в черной траурной одежде.

– У меня горе. Я потеряла сына. Я буду носить траур по моему мальчику.

– Это твое право. Носи.

– Ты мог бы... мог бы спросить, как я? Мог бы горевать со мной?

– С текилой, транквилизаторами и друзьями на вечеринках? Так горевать?

– Да что ты знаешь о горе! Вы, мужчины, черствые. А как мне справиться! Мою малютку убили, меня толкнули с лестницы, и теперь я больше тебе не рожу.... я бы постаралась, но...

– Не надо стараться. Ты уже отрожала, и больше я в твою спальню не войду. Эта сторона нашей жизни закончилась.

– Конечно.... кто бы сомневался! Ты ведь найдешь себе очередную...

– Молчать! Давай без истерик. Идем за стол, не заставляй меня начать подумывать о том, что нам с тобой тесно в этом доме, и тебе пора в другое место, где будет более спокойно!

– Все, что я говорю, всегда для тебя истерика!

– Потому что ты не умеешь говорить, Люда!

Петр давал ей время отсидеться. Ему сейчас было не до нее. Он думал о Марине. Он сходил с ума. По-настоящему впервые сходил с ума. Ему казалось, что она не разродится, казалось, что ребенок с таким весом ее убьет, казалось, что оборудование недостаточно хорошее, а врач – криворукая обезьяна в очках и не помогает его девочке, пока она так отчаянно кричит.

Нет, он не мог прийти к ней, не мог даже увидеть ее вблизи. Он сидел в уединенной комнате перед экранами и смотрел трансляцию из ее родильной палаты. И когда слышал, как она кричит, видел, как выгибается на постели, затыкал уши руками и мычал, бил по столу кулаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.